

П. Сорокин: уроки революции как «социального бедствия человечества»

На основании анализа трех произведений П. Сорокина «Социология революции», «Человек и общество в условиях бедствий», «Дальняя дорога. Автобиография» автором предпринята попытка проанализировать эволюцию взглядов великого социолога на природу, сущность и последствия революции как одного из социальных бедствий человечества. Автор акцентирует внимание на основном выводе ученого: революции и другие великие бедствия перестанут быть необходимыми и потеряют смысл в человеческой истории, если человечество значительно увеличит запасы бескорыстной, созидательной любви во внешнем поведении, межличностных и межгрупповых взаимоотношениях, в общественных институтах и культуре в целом.

Ключевые слова: П. Сорокин, революция, социология революции, социальные бедствия.

Питирим Александрович Сорокин (1889–1968) относится к числу ученых, жизнь и деятельность которых намного опередили свое время. Ему принадлежит особое место среди тех мыслителей, чьи труды имели фундаментальное значение для становления и развития социологии как науки. Многогранность творчества этого автора поражает, а замысел – «написать нравственную историю XX века», несмотря на «обратный отсчет», начатый войнами, революциями, голодом и эпидемиями, пронизан верой в великое будущее человечества, способного подняться над своими бедствиями и «на крыльях любви» вознестись к вершинам творчества, благородства, духовности.

В своей автобиографии «Дальняя дорога» П.А. Сорокин рассматривает историю своей жизни в контексте основных исторических

событий XX в., уделяя особое внимание изменению своего мировоззрения под влиянием тех тяжелых испытаний, которые выпали на долю его современников. Как отмечал П. Сорокин, его «научное, позитивистское и прогрессивно оптимистическое мировоззрение» претерпело кризис и было «заново интегрировано» с учетом конкретных реалий и вызовов «кровавой истории». В июне 1917 г. он с горечью констатировал, что значительная часть российского общества оказалась неподготовленной к предоставленной февральской революцией свободе, и речь шла уже о спасении 170 миллионов «живых человеческих личностей», и эта цель была выше частных интересов. Общий вывод социолога: «Праздник революции кончается. Начинается ее похмелье... пришла пора называть вещи своим именем и заменить розовые очки оптимистов иными, бесцветно-объективными очками трезвого и смелого констатирования подлинной действительности»¹. С этого момента и начинается изучение П.А. Сорокиным феномена революции. *Урок 1: революции создают чрезвычайные трудности для человека и общества в целом.*

В последующем в своей работе «Социология революции», написанной в 1922–1923 гг., во введении автор делает поразительное признание, относящееся к самому феномену революции: «Кто может сказать, как широко разольется пожар революции? Кто вполне уверен в том, что если не сегодня, то завтра ее ураган не снесет и его дом? Ignoramus [не знаем]. Но зато мы можем знать, *что она такое?*»². *Урок 2: необходимо изучать сам феномен революции, а не предсказывать его.*

Мир к настоящему времени пережил много революций, сегодня мы отмечаем столетие Октябрьской революции 1917 г. в России, историками по поводу ее причин, хода и последствий написано немало книг. Однако только социологу было под силу поставить вопрос не о причинах конкретной революции 1917 г., а о причинах «революции вообще», и только великий социолог мог сделать вывод, что иной ответ невозможен, кроме как «что люди сами хотят всего этого». А значит «пока люди таковы, каковы они есть, катастрофы (в том числе и революции. – М. Б.) остаются великими воспитателями человечества». Прежде всего для П. Сорокина было совершенно ясно, что «подлинная природа Революции совсем не похожа на те романтически-иллюзионистические представления о ней, которые столь часто складываются у безусловных ее апологетов»³. *Урок 3: не надо романтизировать революцию.*

С явлением романтизации революции со стороны радикально настроенной интеллигенции он столкнулся лично, приехав в 1924 г. в университеты Висконсина и Иллинойса (США) для

чтения лекций о России. Сам П. Сорокин этот недружественный прием объяснил так: «Поскольку в лекциях я особенно упирал на деструктивность, жестокость и зверства пяти первых лет коммунистической революции, это вызвало у них протест по отношению ко мне и моим лекциям. Эта оппозиция мне длилась несколько лет и проявлялась в различных попытках дискредитировать не только мои лекции и работы по русской революции, но и саму мою научную деятельность и публикации по другим проблемам»⁴. Только вмешательство и поддержка известных американских социологов Ч. Элвуда, Ч. Кули, Э. Росса, Ф. Гиддингса спасли ученого от обвинения в научной некомпетентности и политической нелояльности.

Публикация на английском языке в США труда «Социология революции» в 1925 г. в какой-то степени была его научной реабилитацией. В этой книге он убедительно, ссылаясь на факты, доказал, что ненависть, сумасшедшая борьба, зверства сопутствуют любой великой революции. Раскрывая сценарий революции, ученый замечал, что на первой фазе ей сопутствует агрессия. Агрессия находит свое выражение как в революционных действиях, так и в криминализации общества: «Революция – фактор не только криминализирующий, но эссенция и квинтэссенция самой кровавой и жестокой преступности». Как отмечал П. Сорокин, преступления в революционной России приобретали «легальные формы» и огромная часть уголовных преступников вошла в ряды чекистов. Вторая стадия революции сопровождается возрастающим страхом, поскольку «прививка тормозов» – условных рефлексов, позволяющих человеку контролировать свое поведение в соответствии с социальными нормами, осуществляется радикальными мерами: «Кто не слушается власти – тому смертная казнь. Кто не работает – тот не ест. Кто крадет – расплачивается жизнью или тягчайшим наказанием. Кто плохо исполняет свои обязанности – изгоняется. Кто убивает – того самого убивают без пощады». В страхе человек перестает принадлежать себе, движимый стремлением – устранить угрозу и избежать опасности.

Общий вывод, который делает социолог: «Общество, не умеющее жить, не способное своевременно производить целесообразные реформы и бросающееся в объятия революции, платит за эти грехи вымиранием значительной части своих членов»⁵. Такой социологический сценарий революции уничтожал ее «романтический» образ. «Революция – это прежде всего определенное изменение поведения членов общества, с одной стороны; их психики и идеологии, убеждений и верований, морали и оценок, – с другой»⁶. *Урок 4: революция сопровождается изменениями общественного и индивидуального сознаний.*

И этот вывод был доказан собственной биографией социолога. Так, он писал в своей автобиографии: «Революция 1917 года разбила вдребезги мои взгляды на мир, вместе с характерными для них позитивистской философией и социологией, утилитарной системой ценностей, концепцией исторического прогресса, как прогрессивных изменений, эволюции к лучшему обществу, культуре, человеку. Вместо развития просвещенной, нравственно благородной, эстетически утонченной и творческой гуманности война и революция разбудили в человеке зверя и вывели на арену истории, наряду с благородным мудрым и созидательным меньшинством, гигантское число иррациональных человекоподобных животных, слепо убивающих друг друга, разрушающих все великие ценности, ниспровергающих бессмертные достижения человеческого гения и поклоняющихся вульгарности в ее худших формах». Короткий, но поучительный опыт участия в революции потребовал пересмотра взглядов: «В это время я испытал на себе и видел слишком много ненависти, лицемерия, слепоты, зверств и массовых убийств, чтобы сохранить в неприкосновенности восторженное и бодрое мироощущение, и именно эти исторические обстоятельства... начали процесс переоценки моих ценностей, перестройки моих взглядов и изменения меня как личности»⁷. Необходимая причина революции – «расширяющийся разрыв между системой ценностей высших, привилегированных и правящих групп и системой ценностей низших, средних и непривилегированных групп»⁸. *Урок 5: распад единых ценностей и норм в обществе может спровоцировать революцию.*

По мнению П. Сорокина, сам распад единых ценностей и норм в обществе может быть следствием «космических и биологических обстоятельств», таких как голод, эпидемия, наводнение и другие катаклизмы, а с другой стороны – последствием особых социокультурных условий, например, сильного экономического и социального контраста между высшими и низшими классами. К дополнительным факторам, вызывающим данный процесс, относится война. Так, ученый подчеркивает: «Фактор войны – важное дополнительное условие революции, а революция, в свою очередь – фактор войны»⁹. События 1917 г. полностью подтверждают данное заключение.

Однако особую ценность для современной теории революции представляет следующее заключение социолога: «Распад системы ценностей и норм может возникнуть внутри самого общества в ходе спонтанного развития данного общества и его культуры. В этом процессе никакие специфические условия не играют глав-

ной роли»¹⁰. Получается, что сама социокультурная жизнь может незаметно расшатать и затем разрушить существующую систему ценностей, чтобы общество вдруг оказалось на пороге своей гибели, в которой революция – лишь эффектный способ самоликвидации. В этом смысле революция такое же социальное бедствие, как смерть человека – бедствие индивидуальное. Только в одном случае речь идет о социальной смерти, а в другом – о биологической, и обе – с непредсказуемыми последствиями.

Итак, по мнению П. Сорокина, революции – одно из социальных бедствий, включающих также войны, голод и эпидемии¹¹. А в любом социальном бедствии происходит поляризация общества: люди разделяются на «святых» и «грешников», на тех, кто бескорыстно и самоотверженно приносят себя в жертву, и тех, кто на этом бедствии наживается. Причину этого парадокса нужно искать «в противоположных стимулах, порождаемых революционными переворотами», когда проявлениям «аморальности и антисоциальности противостоят благородство и духовность»¹². *Урок 6: революция – социальное бедствие, приводящее к поляризации общества.*

Для социолога особенно важны образцы благородного поведения участников революции, про которых он пишет: «Другие, потрясенные страданиями ближних, становятся общественными деятелями и благодетелями человечества, отдающими все свои силы на то, чтобы смягчить существующее зло и облегчить страдания людей, независимо от партийной и классовой принадлежности тех, кого они хотят облагодетельствовать». Этот выбор гуманизма и альтруизма легче сделать в отношении близких: «Еще чаще героические и альтруистические поступки совершаются в пользу родственников или друзей, которым угрожает арест, казнь, изгнание, страдание от тех или иных лишений – поступки, для совершения которых требуется бескорыстное пожертвование личным имуществом, а иногда и самой жизнью». Вместе с тем этот выбор волен совершить каждый, меняя свой внутренний мир: «Бывает так, что некоторые члены прежде привилегированных классов, осознав несправедливость дореволюционного порядка, меняют свои взгляды и вырабатывают в своей душе более высокие нравственные и религиозные идеалы»¹³. Если такой выбор совершается в душах большинства людей, есть реальная возможность не только преодолеть социальные бедствия, но и впредь не допустить их: «Люди с трансцендентальной системой ценностей и глубоким чувством нравственного долга обладают ценностями, которых не может у них отнять ни один человек и никакая катастрофа. При всех обстоятельствах они сохраняют мир в душе, чувство собственного достоинства и

чувство долга. Обладая такими качествами, они способны вынести любое испытание, каким бы тяжелым оно ни было»¹⁴. Поэтому рецепт избавления человечества прост: «Если обретены ценности Царства Божьего, тогда великие бедствия перестанут быть необходимыми и потеряют смысл в человеческой истории»¹⁵. *Урок 7: есть простое средство избавить человечество от проклятия революции – нравственное совершенствование.*

Поразительно актуально звучат следующие предостережения П.А. Сорокина: «Ни один из существующих рецептов, как избежать международных военных конфликтов и гражданских войн или других форм кровавых межчеловеческих убоиц, не может не только уничтожить, но даже заметно уменьшить эти конфликты. Под такими популярными рецептами я подразумеваю прежде всего уничтожение войн и конфликтов политическими средствами, особенно вследствие демократических политических преобразований. Даже если завтра весь мир станет демократическим, все равно войны и кровавые стычки не исчезнут, поскольку демократии оказываются не менее воинственными и неуживчивыми с соседями, чем автократические режимы»¹⁶. То же самое относится и к образованию, продолжает ученый: «Завтра все взрослые в мире могут стать докторами наук, и все рано войны будут продолжаться»¹⁷. Самый образованный XX в. является самым кровавым из всех предшествующих двадцати пяти веков греко-римской и европейской истории.

Итак, *уроки революции*, которые преподнес нам великий социолог, лишней раз подтвердили его прозорливость. Они так же современны сегодня, как и тогда, когда были написаны по следам кровавого XX в. И эти уроки революции для П. Сорокина были в то же самое время и уроками нравственности.

Следует отметить, что, будучи вдали от России, П.А. Сорокин оставался верен социально-философским взглядам Л.Н. Толстого на войну и мир, усвоенным задолго до эмиграции. В те годы особенно драматичным для двадцатилетнего ученого оказался уход Л.Н. Толстого из Ясной Поляны и его смерть 7 ноября 1910 г. Через год, 6 ноября 1911 г., П. Сорокин принял участие в вечере памяти писателя, переросшем в демонстрацию на Казанской площади против смертной казни. И через много лет ценности мира и непротivления злу насилием воплотились в деятельности возглавляемого им Гарвардского центра творческого альтруизма и любви.

Потомкам великого ученого предстоит воплотить в жизнь духовное завещание П.А. Сорокина, усвоив *следующий нравственный*

урок: «Без значительного увеличения бескорыстной, созидательной любви во внешне проявляемом поведении, межличностных и межгрупповых взаимоотношениях, в общественных институтах и культуре в целом, прочный мир и гармония между людьми невозможны»¹⁸.

Примечания

¹ *Сорокин П.А.* Записки социолога // Воля народа. 1917. № 40. 15 июня.

² *Сорокин П.А.* Социология революции. М.: РОССПЭН, 2005. С. 22.

³ Там же. С. 33.

⁴ *Сорокин П.А.* Дальняя дорога. Автобиография. М.: ТЕРРА, 1992. С. 165–166.

⁵ *Сорокин П.А.* Социология революции.

⁶ Там же. С. 32.

⁷ *Сорокин П.А.* Дальняя дорога... С. 166–167.

⁸ *Сорокин П.А.* Человек и общество в условиях бедствий. Влияние войны, революции, голода, эпидемии на интеллект и поведение человека, социальную организацию и культурную жизнь. СПб.: Мирь, 2012. С. 225.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же. С. 225–226.

¹¹ Там же. С. 147.

¹² Там же. С. 146.

¹³ Там же. С. 146–147.

¹⁴ Там же. С. 243.

¹⁵ Там же. С. 244.

¹⁶ *Сорокин П.А.* Дальняя дорога... С. 195.

¹⁷ Там же. С. 196.

¹⁸ Там же.